

Современная Россия. Модернизация: общество – человек – образование.
Актуальные проблемы. (2018).

М.Н.Кузьмин.

Россия в контексте европейской модернизации Нового времени
(о взаимозависимости социально-экономического и духовно-
культурного процессов).

В своем «Путешествии в Арзрум», Пушкин, следуя канонам этого весьма популярного в те времена жанра, перемежая мимолетные путевые наблюдения с серьезными размышлениями на самые разные темы, занимавшие тогда образованное русское общество, всегда искал прежде всего ведущий мотив человеческих действий, что позволяло увидеть всю картину - взаимосвязь, соединяющую частное с общим, единичное с целым.

В «Путешествии в Арзрум» читатель всегда невольно останавливается на фрагменте, посвященный А.С.Грибоедову. Описывая незаурядность этой личности – замечательного поэта и дипломата, оценивая меру отпущенного ему характера и таланта, Пушкин одновременно с сожалением отмечает, что сохранить в памяти общества его живой облик вряд ли удастся. Причина банальна: «мы ленивы и не любопытны».

Проецируя суждения Пушкина – поэта и историка на наше время - можно только поражаться точности и универсальности его заключений и оценок.

В самом деле, уже 100 лет истекло от начала эпохи социализма и 30 лет от ее окончания, однако, мы до сих пор не имеем точной и ясной оценки - каковы итоги? Кто же оказался прав в историческом споре Ленин - Плеханов, который шел в прессе в апреле – октябре 1917 года между ними? И каковы реальные итоги октября 1917-го года в контексте этой дискуссии?

Цель предлагаемого материала – исходя из современных представлений о назначении, месте, роли и функциях общественных и гуманитарных наук в современном обществе, привлечь внимание к той исследовательской проблематике, разработка которой поможет углубить наши представления о механизме общественно-исторического процесса, с наибольшей эффективностью будет способствовать пониманию общества и общественного процесса.

Первой из таких проблемных зон, на наш взгляд, безусловно должен являться критический анализ причин, затруднивших самостоятельное развитие социалистического общественного организма и приведших этот организм к затяжному и глубокому кризису, в конечном итоге - к его краху.. Второй круг проблем – общественный организм и его изменения глазами теории модернизации и третий круг – современные подходы к описанию и объяснению логики смены культурных эпох европейской модернизации Нового времени.

Последние два десятилетия закончившегося недавно XX века несомненно явились важной вехой в современной российской истории и - шире - в истории России в Новое время в целом. На рубеже 80-х - 90-х годов XX века советское общество сменило трассу развития и отказалось от задачи построения социализма, которая 70 годами ранее была заявлена главной целью и вектором его усилий. И это был принципиально значимый поворот, существенно корректирующий последующую траекторию России.

Названные перемены потребовали теоретического осмысления и комментария как сами по себе, так и в более широком общественном плане, социальном и культурном контексте.

Итак, 100 лет назад, в октябре 1917 года к власти в России вооруженным путем приходят леворадикальные политические силы в лице большевиков. В качестве непосредственно-практической задачи российского социума новая власть ставит цель организации общества на началах социализма. Но эта ясная цель содержит в себе ряд резких внутренних противоречий, попытки найти оптимальное решение которых не завершены еще и сегодня

Марксистски ориентированное крыло российской социал-демократии полагало практическую постановку вопроса об организации социализма в крестьянской - культурно отсталой - России преждевременной: «российская история еще не смогла той муки, из которой со временем будет испечен пшеничный пирог социализма» - считал Плеханов. Ленин же, будучи замотивирован на совсем другие цели и исходивший из совсем других критериев и обстоятельств, полагал взятие власти безусловно необходимым: с помощью социалистического проекта большевики рассчитывали после взятия власти ускоренно достичь уровня промышленно развитых стран Запада, создать экономически обеспеченное и социально справедливое общество. При этом понималось, что выполнить такую задачу в одиночку Россия не в состоянии – будет нужна помощь экономически и культурно развитых стран. Понималось также, что такая помощь возможна лишь при условии победы в этих странах мировой революции, которая, в свою очередь, ожидалась как событие самого близкого будущего.

В этой ситуации главным камнем преткновения в дискуссии стал социальный состав населения и его социокультурные характеристики, диктующие величину его культурных значений..

Предмет дискуссии может быть определен как несоответствие антропо-социокультурных характеристик субъекта практики - сложности задач, заданных текущим этапом развития общества. По Марксу, потенциалу возможностей социума, запечатленному объективно в продуктах культуры, должен соответствовать потенциал культурности общества – адекватное развитие природных сил и способностей индивидов, достигаемое их обучением и воспитанием - образованием.

Эта необеспеченность проекта адекватным культурным потенциалом населения была его уязвимым местом, что означало помехи при его реализации. В целом же это был пример политической стратегии, опирающейся на одну из теорий общественно-исторического процесса, но притом стратегии, отягощенной недостатком необходимых предпосылок.

Однако общая теоретическая система Маркса включала в себя не только объяснительную формационную теорию общественно-исторического процесса, но и практико-ориентированную теорию социализма - общественного устройства будущего общества. Такое соседство разных по целям текстов создавало возможность неосознанной подмены практик, основанных на рациональном расчете, - практиками, допускающими риск свободной игры сил при случайных обстоятельствах. И эта ситуация сыграла-таки свою роль в трансформации большевизма в идеологию переходных слоев.

Пример такого замещения Ленин демонстрирует в дискуссии января 1923 года ссылкой на «правило» Наполеона: «сначала нужно ввязаться в хороший бой, а там видно будет». Предлагаемый им аргумент ничего не менял в сути дела – ликвидация культурной отсталости страны после взятия власти означала допущение, что высокоиндустриальное социалистическое общество может быть построено неграмотным населением.

Очевидно, что 70-летние итоги реализации социалистического проекта в его данной версии оказались более чем «неоднозначными». В качестве наиболее общей причины этого следует назвать несоответствие антропо-социокультурных характеристик субъекта практики - сложности задач, заданных текущим этапом развития общества. За этой общей констатацией скрыт состоящий из ряда звеньев – институтов и общественных функций – механизм социодинамики культуры, отвечающий за итоговое равновесие спроса и предложения, потребностей и услуг данного общества в сфере культуры, за

эффективную сопряженность социально-экономических и культурно-духовных процессов модернизации.

Последний вариант социалистического сценария, предложенный Лениным в начале 1923 года, содержал в себе новый план решения проблемы низкой культурности населения с помощью отдельного проекта культурной революции, которая осуществит не просто культурную, но социокультурную трансформацию старого крестьянства, преобразовав его в новый класс цивилизованных кооператоров.

Данный расчет, однако, оказался некорректным. Процесс социокультурной трансформации человека традиционного общества в человека общества современного относится по своему механизму к ротационному, а не фронтальному и требует смены 2,5 – 3-х поколений, т.е. 50-60 лет. В этом временном интервале и активизируется в качестве самостоятельного субъекта политической жизни, обладающего собственными интересами и потребностями, новый переходный слой, формально - социально-идентичный, содержательно - культурно-маргинальный.

Показательно, что Ленин в последних статьях искал защиту от этой опасности - хотя бы в верхних эшелонах власти, - имея в виду сосредоточить в Рабкрине, который наделялся контрольными функциями, «солидный человеческий материал» из кадровых рабочих.

Российская послеоктябрьская история с разной степенью отчетливости зафиксировала 20-летние циклы социального напряжения (1917, 1937, 1956), говорящие о разломе и смене поколений. В свете этого, к характеристике кризиса конца XX века следует подходить чрезвычайно внимательно, с учетом максимально широкого круга взаимосвязей и взаимовлияний. Поэтому осуществленная Россией на рубеже 80-х – 90-х годов XX века, смена цели и трассы движения не была ни возвратом к экстенсивной модели общественного развития, ни открытием интенсивной.

В целом же, кризис обнажил общую теоретическую недостаточность, неадекватность, в конечном итоге, несостоятельность большевистской доктрины социализма, которая на протяжении семи предшествующих десятилетий играла роль как общей картины мира, ориентирующей субъекта в социально-историческом пространстве и закономерностях его развития, так и роль практической программы социалистического проекта.

Задача выхода из кризиса требовала, таким образом, срочного решения вопросов теории - выработки на основе современных подходов целостной картины мира, способной вне марксистской формационной парадигмы выстроить теоретическую картину российского общества, культуры и человека в Новое время и особенно в XX веке, переакцентировать панораму событий российской истории, ее смыслы и цели, обновив антропологические, социокультурные и культурно-исторические характеристики ее главных субъектов с оценкой их реальных субъектных возможностей.

Необходимым элементом этой новой объяснительной картины должен стать серьезный анализ причин, приведших СССР к кризисному финалу. Нужна была объективная характеристика российского общества периода социализма, принципов его организации, его субъектных (субъективных) источников и ресурсов хозяйственной и иной деятельности, эффективности стимулов, мотивов, факторов, движущих сил, обеспечивавших развитие общества, культуры и человека, рациональности организации субъект-объектных взаимосвязей, общей оценке адекватности отражения бытия сознанием, выработке новых смыслов, рационализирующих связь и взаимодействие семантических пространств и т.д. Мысль о том, что мы не знаем общества, в котором живем, был сформулирован 35 лет тому назад еще Ю.В. Андроповым. Позволителен вопрос – что изменилось? Знаем ли мы его теперь и насколько?

Однако главное - следовало бы воссоздать современную научную картину европейского общества, его структуры и функций, источников и вектора его самодвижения на этапе Нового времени - в ходе модернизации. Опора на оба эти

основания и должна позволить нам получить такие сопоставительные значения, которые покажут нам не постоянно обновляемые границы желаемого, но реально существующие границы возможного, исходя из количества и качества природных и человеческих ресурсов в рамках интенсивных факторов развития.

Кризис, таким образом, крайне остро поставил вопрос о необходимости смены прежней и создания новой макро-объяснительной картины общества и общественно-исторического процесса. Это значило переход к парадигмально новой теоретической трактовке российского общества, его человека и его культуры, новой объяснительной интерпретации целей и «смысла» российской истории в Новое время, особенно в XX веке, когда динамизм процессов заметно возрастает, усиливая и риски, и цену ошибок.

Приоритетная необходимость выработки эффективной объяснительной общественной макротeorии диктовалась самими условиями деятельности и отношений, в которых оказывается европейское общество, вступая в пятое столетие своего Нового времени, и теми новыми практическими функциями, которые в этой связи организует само общество и в его составе наука, в т. ч. и общественная (В.П.Алексеев, Побережников).

В новой возникающей в Новое время общественной системе, социум волею новых обстоятельств раскрывает ранее замкнутый контур своих межсубъектных отношений, расширяет диапазон своей деятельности. Ее потребности инициируют обретение и освоение этим обществом в гораздо больших пределах, чем его исторический предшественник (традиционное общество,) качества самостоятельной субъектности. Новый социум должен стать гораздо более самостоятельным, активным, влиятельным, динамичным субъектом общественного процесса.

Как самостоятельный субъект, осознающий эту свою самостоятельную субъектность, общество Нового времени не может двигаться к избранной цели «вслепую», не строя с помощью какой-либо соответствующей теории сценария этого процесса, не уясняя принципов организации современного общества и «устройства» его социокультурной динамики, не определяя его субъектов, их мотивацию и источники их активности при разных типах социальной организации, словом, не строя предварительно в сознании образа этой многомерной конструкции в ее движении, не создав должной измерительной техники, способной адекватно отражать сущность изменений. Сегодня общественное знание исходит из того, что масштабы и глубина теоретического макросоциологического знания, которое эволюционирует от грандиозных исторических схем к более локализованным в пространстве и времени практико-ориентированным моделям, являются важнейшим фактором формирования судьбы общества. (П.Штомпка).

Отсюда высокая значимость реконструкции взаимоотношений между историей как общественным процессом и организующей его теорией, взятые в культурно-исторической динамике их взаимосвязи. Другая грань проблемы – соотношение общеисторического и макросоциологического взгляда на вещи. Широкий учет взаимодействий, установление логики событийных исторических явлений и перевод ее в логику социальных процессов есть одна из перспективных сфер взаимосвязи истории и исторической социологии.

Особый интерес представляет оценка главных действующих субъектов, которые не абстрактны, а обладают социокультурными характеристиками, показывающими как ценности их бытия и цели их активности, так и уровень их культурно-исторического развития, задающий реальные границы их субъектных возможностей в достижении поставленных ими целей.

Итак, история, как и всякая иная наука об обществе и человеке, стремится в Новое время к построению взаимосвязанной целостной цепочки функций, диктуемых потребностью обслуживания человеческой деятельности на новом историческом ее уровне, к ориентации самостоятельного теперь субъекта в социальном пространстве. Не ограничиваясь задачей объяснения мира, наука начинает обслуживать и последующие

фазы деятельности – целеполагающую, проективную, прикладную, наконец, контрольно-аналитическую - прогностическую.

Этот начавшийся со вступления в Новое время общий процесс расширения как естественно-, так и общественно-научного знания был нацелен на развитие практических функций этих наук. Он был задан общим ходом модернизации, заменяющий экстенсивный (присваивающий), ориентированный на экспансию тип хозяйствования – на интенсивный тип, открытый к развитию с опорой на внутренние ресурсы, способный к устойчивому расширенному воспроизводству.

Применительно к российскому кризису конца XX века речь шла о смене «доктрины большевизма» - теорией модернизации, весьма эффективной, особенно в объяснительном аспекте. Такая смена снимала ограниченность, присущую большевистской доктрине, взявшей на себя миссию толкования и изменения мира. Речь идет об упрощенной трактовке антропологической и культурной реальности, что происходило из ее односторонней пассивно-отражательной трактовки культуры, общей недооценки ею процесса обособления индивида в социуме, новых социокультурных характеристик индивида-субъекта, – как результат смещения фокусировки или потери взаимодействия элементов нового механизма социодинамики культуры – словом, искажения реальной картины значимости факторов интенсивного типа, действующих на принципе «не числом, а умением».

В целом, европейское общество начала Нового времени, в связи с исчерпанием экстенсивного ресурса аграрной экономики вынуждено расширять ограниченный набор видов деятельности, разгерметизировать замкнутый товарообмен полунатурального хозяйства, переходить на товарность и переориентироваться на рынок с его невидимым, но интенсивным гравитационным полем спроса и предложения, Встраиваясь в рынок, индивид попадает в сложное пространство прямых и косвенных зависимостей, стимулирующих мотивацию его деятельности.

Этот новый порядок меняет сам характер деятельности, стимулируя активный поиск ее совершенствования и повышения ее эффективности. И это приводит к принципиальному сдвигу – встраиванию в производственный цикл звена надбиологического - техногенного характера.

Переход же на техногенность дает в руки производителю инструмент резкого роста динамики производства, что порождает соответствующий мотив деятельности – неиссякаемый источник и ресурс индустриальной эры. Параллельный процесс - необходимость равнозначного развития способностей работника-индивида. Баланс в развитии культуры общества и культурности индивида является безусловным внутренним принципом должной организации и эффективной деятельности механизма социодинамики культуры общества.

Следует специально заметить, что при разработке подобной панорамы с помощью теории модернизации речь должна идти не о подновленной формационной версии перехода от Средневековья к Новому времени, сохраняющей прежние смысл и общую трактовку как межформационного перехода от феодализма к капитализму в русле формационной теории общественно-исторического процесса К.Маркса. Это изначально должно быть воспроизведение процесса перемен – процесса трансформации традиционного общества в современное на основе реалий и логики, присущих органически именно данному историческому времени, его целям и его культуре, характеру человека этого времени.

Речь должна идти об интерпретации сложной саморегулирующейся системы общественных потребностей, которая с помощью механизмов социокультурного баланса макро- и микро- сфер общественного организма вырабатывает эффективные ответы на «вызовы» времени.

Такова была преобладающая тенденция изменений, порождаемых открывающимися процессами автотрансформации общества традиционного типа - в

современное, полуприсваивающего типа хозяйства - в способное к расширенному воспроизводству, аграрного – в индустриальное и т д

Главным рубежом между этими разными типами обществ, их разделительным критерием выступает включение в хозяйственный процесс сил и средств - факторов надбиологического, техногенного характера. Это была межевая черта преодоления европейским обществом скрытого порога, диктуемого конечностью всякого природного ресурса - решение данной экзистенциальной проблемы конечности природного ресурса открытием и освоением техногенной перспективы.

Без формирования в Новое время в структуре общественного организма нового механизма социокультурной динамики, обеспечивающего нужный баланс онто- и филогенетических характеристик общества и доминанту интенсивных факторов его развития – огромный взлет культуры, адекватный потребностям современного общества – поступательный характер общественно-исторического развития человечества как человека-индивида вряд ли был бы возможен.

Европейская модернизация зародилась, как известно, в результате действия внутренних причин - она выросла из кризиса экстенсивного земледелия, ощутившего в Европе в XV-XVII вв близость исчерпания необходимого земельного ресурса. Выход из критической ситуации был найден ею в освоении практик интенсивного типа. Эти практики, однако, оказались невозможны при бесправном, «бессубъектном» индивиде, от которого теперь требовались личностные качества - умение ориентироваться в сложном окружающем мире, делать самостоятельный выбор, принимать ответственные решения.

Возникшие «ножницы» вызвали потребность в смене присущей традиционному обществу пожизненной социальной иерархии с ее неполноправием средних и бесправием низших слоев, с ее инертностью подконтрольного индивида - более свободными социальными отношениями, что открыло пространство для процессов социальной мобильности и перемещений.

Но это требовало серьезных внутренних перемен в общественном организме: разгерметизации полунатурального хозяйства, переориентация его на внешние связи, товарность и рынок – возрастающей роли интенсивных факторов развития. Рынок же имеет дело со свободными, равными и равноправными субъектами, что стимулирует тенденции и процессы раскрепощения индивида, изменения его социального (и культурного) статуса. На смену непосредственно личным отношениям, основанным на неравноправии и принуждении, приходят безличные связи равноправных участников экономического пространства. Впрочем, многие из этих процессов были описаны наукой по горячим следам.

Эмансипация работника, осмысление им новых рамок свободы намерений и действий повышают масштабность его стремлений, интенсивность мотивов, субъектную активность и духовные запросы. Рост же нагрузки на субъектность индивида ведет к изменению цели и увеличению объема его социализации.

В новом социуме, будучи социокультурной категорией и микромира и (в совокупности) макромира, индивид обретает роль звена, связующего оба уровня и определяющего баланс фило- и онто-генетических культурных характеристик социума массового и элитарных уровней. А поскольку знание - это сила, а сила - это власть, то сословный барьер между ними должен быть заменен гражданским.

Такова внутренняя перестройка общественных отношений на уровне личности, инициирующая процессы социальной мобильности, социальной и культурной реорганизации сословных структур старого общества, в классовые и гражданские структуры нового общества. В новом обществе происходит формирование нового механизма социодинамики культуры как системы элементов и функций, организующей на основе демократических принципов новую конфигурацию культурного пространства, функцию культурного обеспечения социокультурных процессов модернизации.

В отличие от формационной теории общества, предпочитающей иметь дело с экономическими и социальными макросубъектами, классами и классовой борьбой, теория модернизации включает в зону своего внимания также и отдельные атомизированные единицы-микросубъекты, рассматривая проблематику человека существенно более широко и разносторонне, нежели формационная модель. Атомизированная индивидуальная субъектность понимается как самостоятельная категория социального и культурного пространств, обособляющаяся в ходе истории.

Шире в теории модернизации представлена и культуроведческая проблематика: функции культуры не ограничиваются миссией отражения, интерпретации реальности. Вслед за объяснительной и прогностической развивается проективная и практико-прикладная функции. Как средство растущей социализации индивида, культура, материализуясь в человеческих качествах и способностях, «конвертируется» в обновляющиеся результаты человеческой деятельности. Последние воплощают в себе нарастающий с каждым поколением потенциал культурности, цивилизованности общества - исходный уровень для следующих поколений.

Усиление духовного производства, непосредственно обслуживающего усложнившиеся практики, увеличивая массив культуры, означает одновременно необходимость адекватного развития духовных сил и способностей самих индивидов, должных использовать эту культуру в своей деятельности. Отсюда - необходимость расширения социализации, требующая выделения самостоятельных систем трансляции и освоения культуры. Результатом формирования нового механизма этих связей становится более динамичное развитие человека в Новое время.¹

В культуре происходит (слабо учитываемое формационной теорией) снижение роли социально-психологических механизмов регуляции поведения *коллективностей* и замена их институтами, ориентированными на *индивида*, пространство его субъектной свободы и его социокультурные потребности. В дополнение к семье и церкви как главным институтам социализации добавляется институт всеобщей школы.

Общая картина социального организма гражданского общества, таким образом, не изоморфна картине предшествующего ей традиционного общества, не стереотипна ей ни по форме, ни содержательно, как это часто трактуется в формационной теории, где бинарная оппозиция базиса и надстройки выступает самодостаточным несущим каркасом любого социума.

Выстраивая схему перехода от традиционного к современному обществу, теория модернизации исходит прежде всего из организации эмпирического материала, не примысливая априорно никаких гипотетических конструкций.

Преодоление односторонней отражательной трактовки культуры имеет следствием рост объяснительной и прогностической - предсказательной, эвристической функций науки, продуктивности социальных и гуманитарных наук в целом. Но эта перестройка механизма культуры, «отвечающего» за формирование новой социокультурной структуры и духовных характеристик нового общества, требует более свободной организации трансгенерационных («межпоколенных») взаимодействий. Новая организация духовного производства и всей последующей культурной инфраструктурной цепочки (накопление, хранение, трансляция и освоение культуры) должна обеспечивать по мере развития рынка, как общий рост спроса и предложения через интенсификацию деятельности индивида, так и соблюдение некоторого баланса между ними. Совокупный потенциал микромира должен в целом соответствовать содержанию и объему культуры макромира.

---

¹ Булкин А.П. Социокультурная динамика образования. Дубна, «Феникс+», 2001; Моль А. Социодинамика культуры. М., Прогресс, 2005.

Итак, раскрепощение духовных возможностей, потребностей и мотиваций индивида, его социокультурной динамики требует организации демократического механизма обратной связи, обеспечивающего равновесие обоих плеч этого коромысла, т.е. знаний и вообще культуры, требуемых индустриальной технологией производства, нормами и всем образом жизни современного общества (макромир, филогенез), а с другой - равнозначного развития способностей и потенций отдельных индивидов в их совокупности (онтогенез, микромир).

Потребность обеспечения обретающего самостоятельность отдельного индивида собственным компасом бытия, способностью самоориентации, самоопределения и самореализации в социальном пространстве стимулируют реформацию религии, «отвечающей» за понимание человеком своего места в мире, смысла и целей своего бытия. Однако главную роль в социальной ориентации индивида-субъекта, в освоении им «должностей человека и гражданина» играет вызванный его запросами взлет образных форм - художественной литературы и художественной культуры в целом, становление науки, знания об обществе, переход от хронографии и утопии к наукам истории и социологии, должных обеспечить нового индивида целостной абстрактно-логической картиной мира, общества и человека в нем, «вооружения» его соответствующей рецептурой бытия.

Этот этап рождения национальной культуры с новым человеком в фокусе ее внимания – необходимая предпосылка гражданского общества. Прежние коллективные связи формируются теперь на атомизированной основе - общегражданских принципах солидарности свободных и равноправных индивидов. Подобно интегративной роли рынка в экономике, инструментом интеграции социального и духовного пространства выступает система средств массовой информации, получившая с изобретением печати (1450) возможность для самого широкого развития. Соответствующую миссию выполняет и система образования.

Бывшее локально-разгороженное социальное пространство традиционного общества разгерметизируется и расширяется до общегражданских пределов. Их национальные рамки маркирует единый литературный язык, как общая национальная семиотическая и коммуникативная система. Огромна здесь соединяющая роль возникающего нового патриотического чувства. Это малоизученное в своих механизмах и контекстуально связанное с романтизмом чувство общего исторического прошлого «привязано» к личности: она осознает себя субъектом общественного процесса в прошлом, настоящем и будущем.

Энергетика объемного мира новых общих гражданских чувств многократно усиливает мотивацию и энергетiku действий человека *гражданского общества*.

Таким образом, появление в социуме субъектности индивидуального уровня резко интенсифицирует спрос на продукцию духовного производства, обеспечивающего индивида как новыми способами деятельности, так и новыми нормами бытия в меняющемся мире. Это означает процесс формирования субъектного самосознания индивида, включающего в себя его самоориентацию и самоопределение в настоящем мире (осознание предназначения - призвания), определение вектора своей грядущей деятельности-самореализации и формирование его исторического сознания, обеспечивающего континуитет его субъектности как элемента социума - звена между прошлым и будущим. Острая субъектная потребность в самоидентификации стимулирует динамичное развитие исторического знания - и как национальной историографии, и как учебного предмета в школе, и как исторической романистики, и как церковной проповеди.

С ростом значимости культуры как фактора развития субъектности общества проблема соединения человека и культуры (уменьше чтения и письма) выступает на передний план и осознается как ключевая.. Взамен ограниченной в своих возможностях бесписьменной народной культуры, хранимой в живой памяти, передаваемой устно, трактующей человека как часть природы, грамотность обеспечивает доступ к огромному

резервуару письменной культуры, где человек-субъект выделен из природы и рассматривает ее как внешний объект своих действий.

Ступени развития этого процесса - обучение детей грамоте в семье, при церкви, «странствующими» учителями, организация всеобщей церковно-приходской школы, организация государственной обязательной всеобщей школы, достижение всеобщей грамотности населения - выглядят часто как будничные акты. Однако их результат имеет исторический характер. Встраиваясь в повседневный образ жизни, школа становится имманентным институтом обеспечения культурности, цивилизованности общества - гражданского общества как его качественного состояния, соответствующего Новому времени, условиям и требованиям последнего. Всеобщая школа есть наиболее важный показатель становления нового образа жизни, присущего индустриальному обществу.

Гражданское общество, таким образом, резко активизирует процесс *развития человека культурой*, обретения обществом через овладение грамотностью нового уровня духовности. Всеобщая грамотность, поднимая уровень культурности общества-субъекта, сообщает ему новое качество цивилизованности, открывает путь роста его духовного потенциала за счет социального опыта, аккумулированного в новой письменной культуре.

Всеобщее обучение интенсифицирует действие механизма «обучение – развитие», что обеспечивает возможность и способность онто- и филогенетического социокультурного и культурно-исторического развития человека и человеческого общества, неограниченно открытый в будущее характер этого процесса. Обучение индивида, обретающее роль фактора развития общества, выступает не как дидактическая, а как общесоциальная закономерность. Тем самым, взаимосвязь культуры и культурности общества есть условие и результат общественно-исторического процесса.

Такова в общих чертах *«историческая социология» модернизации* - картина внутренних социокультурных перемен общественного организма, качественных изменений в характеристиках индивида-субъекта и его культуры в ходе трансформации традиционного общества в гражданское. И она представляется очевидно более полной, чем в той версии формационной концепции, которая доминировала у нас на «социалистическом этапе».

Добавим, что процесс перемен в сфере культурности населения не закончился достижением полной его грамотности. Последующий рост технической основы индустриального производства обуславливает дальнейшее повышение уровня всеобщего образования (в последней трети XIX века с начального до основного, а в последней четверти XX века до массового полного среднего). Результатом является углубление духовного развития человека, изменение человека культурой, рост его творческой самоотдачи. Сопровождаемый параллельно *трансформацией коллективной субъектности в индивидуальную*, этот процесс венчается освоением индивидом системы новых моральных норм, присущих человеку гражданского общества - личной ответственности, долга, совести, личного достоинства и пр., выполнение которых способствует самореализации личности в новом обществе. Все это расширяет масштаб целей и повышает возможности человека как субъекта общественной практики, что становится эффективным источником ускорения развития общества и человека, но одновременно и усиливает неравномерность развития отдельных стран.

В целом же, именно эти сдвиги в микромире, в социокультурном статусе атомизированного субъекта-индивида дают ключ к пониманию причин и логики соответствующих трансформаций и в макромире, на макроуровне, что позволяет точнее раскрыть смысл и логику смены великих эпох европейской истории - Возрождения, Реформации, Просвещения, Научной революции ХУП века и т.д. - как каузально взаимосвязанных ступеней процесса модернизации, столь радикально изменившего в Новое время характер и облик европейского общества.

Причиной и следствием, фактором и результатом этой реорганизации общественного организма было изменение характера европейского человека. Это обстоятельство зафиксировал в свое время еще Ж.Ж.Руссо, отметив разницу в целях, объеме и результатах социализации у протестантов и католиков. «Протестанты обычно более образованны, чем католики. Это и понятно: учение первых требует обсуждения, учение вторых - подчинения. Католик должен подчиняться решениям, которые ему сообщают, протестант должен учиться решать сам».²

Итак, описанные сдвиги инициируют смену традиционной организации общества - классовой и формирование гражданского общества как общества самостоятельных - свободных и ответственных индивидов, сплачиваемых в коллективности разного уровня с помощью новых культурно-психологических интеграторов. В итоге новое формирующееся общество оказывается как субъект неизмеримо более эффективным и динамичным, нежели его традиционный предшественник.

Геополитический аспект этих процессов - усиление неравномерности развития отдельных стран, что нарушает прежний баланс сил, порождает новые проблемы миротемного порядка, обостряет внешние отношения стран, их конкуренцию, инициирует соответствующие внутренние процессы.

При общей реконструкции перестройки социума в переходный период следует обратить особое внимание на гетерогенность ее демосоциокультурного механизма. Результат - асинхронность подготовки социальной и культурной составляющих социокультурного целого. Обретение индивидом нового социального статуса - акт одномоментный, а нового культурного статуса - процесс, причем достаточно длительный. Необходимое для их выравнивания время (лаг) составляет два поколения (40 лет). Учитывая это обстоятельство, Маркс специально оговаривает определяющий критерий для «нового человека»: его исторический фундамент - человек гражданского, а отнюдь не традиционного общества.

Большевистская версия движущих сил общественно-исторического процесса должного значения историческим культурным характеристикам субъекта истории, как известно, не придавала. Полагалось, например, возможным при наличии ряда условий их формирование уже в рамках новой общественной системы. Эта практика получает признание и легитимацию в формуле «минуя капитализм».

Выстроенная выше логическая картина имела целью воспроизвести теоретическую модель антропосоциокультурных перемен в структуре модернизации, тем самым, соотнести и связать логическую и историческую версии этого процесса, приблизиться к пониманию отечественной истории последних ее трех столетий и особенно в XX веке.

Выработка более полной объяснительной концепции европейской истории Нового времени, особенно в ее антропосоциокультурной части, открывала возможность критической переоценки действующей картины российской истории, создания ее новой объяснительной версии на этапе модернизации. Ее создание позволило бы оценить российскую ситуацию начала XX века, восстановить реальную картину, не отягощенную абберациями доктрины большевизма, использовать парадигматику современной науки..

Ключевой тогда несомненно становится выработка целостной (в масштабах Европы) исторической картины развития культурного потенциала общества и человека, полагаемые критерием (антропо)социокультурной зрелости общества. Полная оценка культурного потенциала европейских стран и сравнительная оценка потенциала России должны были показать реальное местоположение страны в данной системе координат.

Реконструкция на ее основе социокультурной, т.е. не социальной только, а именно социокультурной структуры российского общества в ее динамике на отрезке целого XX века представляется особенно насущной, т.к. позволит почувствовать

---

² Руссо Ж.-Ж. Исповедь. Прогулки одинокого мечтателя. М., ГИХЛ, 1949, с. 84.

реальный исторический рост субъектного потенциала главных участников общественного процесса (движущих сил), увидеть источники и темпы динамики общественного организма, реальные рамки его исторических возможностей - не только его «хочу», но и его «могу». Здесь мы можем попытаться раскрыть глубинные причины, обуславливающие специфику российского общественного процесса и ее границы.

Но эта задача потребует, прежде всего, преодоления «эффекта колеи» - следствия 70 лет режима принудительного идеологического единomyслия, укоренявшего представление об октябре 1917 года в России как о закономерном развитии событий в капиталистически среднеразвитой стране, как о всемирно-эпохальном явлении, открывшем новые пути для развития человечества и т.п.

Теоретическую недостаточность, неадекватность, несостоятельность доктрины большевизма, заявлявшей себя истинной наследницей марксизма в условиях XX века, обладательницей единственно верной теоретической стратегии, политической программы и непосредственной практики построения социализма - гипотетического общественного строя всеобщего благосостояния и справедливости – показал на рубеже 1980-х – 1990-х годов глубокий кризис этой общественной системы.

Кризис теории поставил как приоритетную задачу выработку новой объяснительной и практико-ориентированной модели общественного процесса и, значит, критическую переоценку предыдущей (большевистской) теоретико-идеологической доктрины. Одним из главных ее теоретических изъянов являлось упрощенное толкование категорий культуры, прежде всего, как отражательных, что вытекало из тезиса о первичности общественного бытия и вторичности (отсюда - второстепенности) сознания, механичности связи социальных и культурных характеристик общества, непонимание нарастающей взаимной обусловленности развития культуры и культурности в обществе Нового времени - индустриальном обществе.

За три десятилетия, прошедшие со времени начала кризиса, попытки создания обновленной теоретической картины мира, содержащей более рациональное объяснение ходу исторических событий, первоначально являвшиеся предметом активной рефлексии общественного сознания, в 2000-е годы, в силу разных причин явно стали затухать. И это коснулось, прежде всего, тех проблемных зон, которые и на предшествующем этапе не принадлежали к числу приоритетных – проблематике человека-субъекта и культуры. Между тем, именно здесь, в проблематике культурности субъектов общественного процесса и скрывались, как показало Новое время, главные источники и факторы антропо-социокультурной динамики общества.

Общая волна критической переоценки смысла главных событий отечественной истории XX века, вызванная кризисом рубежа 1980-1990-х годов захватила и проблематику культурности субъекта истории. (20а).

Возникла необходимость отойти от самодостаточной характеристики роста культурности населения как такового и соединить его с социальным процессом в социокультурное целое. Это позволит вернуться к исходному пониманию культурной революции как процесса по своим целям и задачам демократическому. Но это значило пересмотр всей конструкции социализма. чего наша наука, еще не расставшаяся с идеологемами большевизма, сделать сразу не могла.

В результате мы очень нетвердо представляем себе сегодня, что это было, «где мы» и «кто мы есть» и, главное, что мы стратегически должны делать в первую очередь. Без ответов на эти вопросы мы по-прежнему будем жить по юлианскому календарю большевизма, продолжая традицию перегонки сибирских недр в валюту, а валюты в оборонный комплекс. Мы уже не строим социализм, но боимся оторваться от его идеологии и ценностей, которые давят на нас поколениями учебников и складами художественного ширпотреба, одномерно воспроизводящего красную идентичность и истребительный дух гражданской войны.

Нельзя формировать личность будущего, которой предстоит решать ответственные задачи мировой масштабности, по лекалам позавчерашнего дня. Нынешняя ситуация не решается в рамках упрощенной оппозиции «коллективизм - индивидуализм», как это трактовалось в прежних учебниках. Современный человек, поставленный в условия современного общества, в ситуации серьезного личного жизненного выбора, не должен путаться в дилетантской разноголосице, а иметь возможность опереться на профессиональную картину российского XX века в социо- и культурно-антропологическом измерении. Задача истории сегодня - помочь в построении действительной картины российского XX века. Без обновления истории не будет надежной теории, а без новой теории невозможна новая практика.

Итак, кризис 80-х выдвинул в качестве приоритетной задачу поиска новой макро-объяснительной модели общественного процесса, определение новой цели общества и поиск путей и средств, ведущих к достижению новой цели. Однако за три десятилетия, прошедших с того времени, задачи переоценки происшедшего, поиск его причин и попытки создания новой теоретической картины мира, способной предложить эффективную программу практических действий, были выполнены лишь отчасти. Являвшиеся первоначально предметом активной рефлексии общественного сознания, в «нулевые» годы, по мере стабилизации возникшего строя, эти тенденции стали явно затухать, в результате мы очень нетвердо представляем себе сейчас, что «это» было, «кто мы» теперь и «где мы есть» и, главное, что мы стратегически должны делать дальше.

Даже в насущной области экономического и социального анализа и прогноза мы пока еще не можем разобраться с культурно-историческими характеристиками коллективного и индивидуального субъекта нашей общественной (хозяйственной) практики, с таксономией его мотиваций и найти способ их соединения с новыми социальными порядками.

Не удивительно поэтому, что науки о культурной сфере общества и о социальном бытии индивида порой напоминают «пейзаж после битвы». Между тем, именно вызванное Новым временем общее изменение характера труда и типа общественных отношений требует фронтальной перемены в целях, содержании и объеме социализации детей, инициирует организацию института всеобщей школы, первым результатом которой становится всеобщая грамотность населения. Последующее развитие индустриального производства идет за счет интенсивных источников роста, что находит выражение во Второй промышленной революции (последняя треть XIX века), а затем в научно-технической революции (конец XX века) и сопровождается изменением целей и расширением объема всеобщего образования до основного (8-летнего), а затем до массового полного среднего (12-летнего) образования. Эти тенденции развития субъектности индивида и интенсификации его внутренних ресурсов инициируют развитие культурного потенциала индивида и общества.

Между тем, эта проблематика не представлена системно в структуре предмета исследования ни в историко-педагогических, ни в культурно-антропологических, ни в общеисторических курсах, ни в исторической демографии.

Однако всеобщее образование и его цель - обеспечение исторически определенного уровня культурного развития населения есть важнейший процесс в структуре модернизации. Именно поэтому с Новым временем европейской истории связано возникновение национальных систем образования со всеобщей и обязательной школой в нижнем звене, которая и обеспечивает последовательное повышение культуры населения этих стран. Насущность новой по целям и объему социализации индивида выступает как стимул и главный фактор развития педагогической науки Нового времени.

Более того, всеобщая школа не просто материализует некую социально-педагогическую цель: всеобщее обучение инициирует педагогический процесс «обучение – развитие», который обретает характер социальной закономерности. Происходящее при

этом развитие способностей личности расширяет производительные силы общества, раздвигает цели и мотивы человеческой деятельности, ее эффективность.

Это отсутствие комплексной картины культурных процессов в России в контексте соответствующих процессов европейской модернизации Нового времени (что необходимо для эффективного продвижения в теорию исторического процесса) может быть объяснено рядом причин. К ним, в частности, можно отнести:

- предельный макромасштаб проблемы (культурные проблемы современного общества, а не школа «в собственном соку»);

- органическая (а не механическая) комплексность проблемы, соответствующая современному пониманию термина;

- эффект колеи как результат 70-летней принудительной монополии в общественном сознании догматической большевистской версии марксовской теории общественно-исторического процесса;

- глухота по отношению к этой проблематике государства, чувствующего посягательство на монополию власти;

- наконец, не последней по значимости следовало бы назвать пассивность гражданской позиции самого общества – того, что Пушкин когда-то выразил формулой «Мы ленивы и не любопытны» («Путешествии в Арзрум»).

Речь, следовательно, идет не об академическом выяснении истины, а о решении внутренних проблем, важных для обеспечения конкурентности и устойчивости, тем самым, безопасности общества (государства), понимаемых более широко, нежели предмет забот только силовых ведомств.

Задача истории сегодня – восстановить действительную социальную картину российского XX века. Без обновления истории не будет надежной теории, а без новой теории невозможна новая практика.

20а См.: М.Н.Кузьмин. Культурность населения Советской России как фактор выбора политической модели.// «Формирование административно-командной системы». 20-е – 30-е годы. М., Наука, 1992, с.116-132).